

Все дальше в историю уходят события грозных лет Великой Отечественной войны. Заросли травами, сровнялись с землей окопы и рвы на огненных Миусских рубежах, где войска Южного фронта сокрушили вражескую оборону, развертывая освобождение Донбасса.

Матвеево-курганцы свято чтут память своих героев-освободителей, павших во имя Победы, с любовью ухаживают за памятниками и обелисками.

«Миус и я люблю. — пишет известный советский писатель, редактор журнала «Огонек» А. В. Софронов. — Во время войны и после войны я бывал здесь. В 1945 году по свежему следу еще раз объехал старые окопы и высоты. Тогда же и появилась поэма «Миус», написанная в ростовской гостинице».

Мы предлагаем вниманию читателей отрывки из поэмы Анатолия Софронова «Миус».

Я взойду на курган.
Оглянусь
Сквозь рассветный туман
На Миус.
В сорок первый я год
Оглянусь:
Снова поле встает
И Миус.
Побываю я в сорок второй:
Слышу пороха запах
И гром.
В сорок третий я сердцем
Вернусь:
Снова ветер и снова
Миус.
На колени я встану тогда,
К травам теплым щекою
прижмусь:
На года, на года, на года
Верным памяти быть
поклонюсь:
Этим травам степным и ярам,
Этим желтым крутым
берегам,
Этим серым дорогам
в пыли,
По которым мы много
прошли.
Этим милым могилам
родным,
Отобравшим навеки у нас
Тех, кто хлебом делился
ржаным
В час отбоя, в молчания
час...
На высоком скрипучем
Бозу
Память словом певучим
Безу.
Сколько лет мне везти,
Сколько дней
По широкой степи
По моей?
Вот от этой могилы
степной
Мир был начал великий,
земной.
Я, взойду на курган.
Оглянусь
Сквозь рассветный туман
На Миус...

* * *

Здесь было поле боя,
Поде славы
Спускалось к обгаренным
берегам,
Отсюда шел налево и
и направо
Рубеж, деливший землю
пополам.
Здесь выросли под
полынком печальным,
Как будто бы терновника
кусты,
Ряды звенящей спутанной,
спиральной
Железной проволоки.
Желтые цветы
Не отшатнулись от нее,
а стали
Подругой ей у смертных
берегов,
Хотя она была из той же
стали,
Что их рвала на тысячу
кусков.
Здесь было поле боя,
поле смерти,
За пядь земли безмерная
борьба.
Отсюда шла, укрытая
в конверте,
Сиротская горячая судьба.
На этой глине, обгаренной
кровью,
Не в силах все земное
забыть.

Мы замолкали вдруг
на полуслове,
Чтоб никогда не видеть,
не любить.
Здесь было поле боя,
поле жизни
Монх детей на сотни лет
вперед.
Здесь было все,
чем мы своей Отчизне
Могли служить в тот
тяжкий темный год.
Здесь были моряки.
Они на суше
Пехоте были лучшие
друзья;
Из гимнастерок
их «морские души»
Мелькали, словно в море
гребешки...
Миус, Миус, ты видел,
как однажды,
Когда прошел
артиллерийский гром,
Моряк, с губами серыми
от жажды,
Склонился возле хаты
над ведром.
А рядом с ним стояла
и смотрела.
Чему-то улыбаясь своему,
Дивчина с кожей
темно-загорелой.
С глазами, будто
в тающем дыму.
Он разогнулся и сказал:
«Спасибо».

И вытер губы,
и отпил опять,
Ему пора уже,
но он не в силах
Уйти и даже слова
не сказать.
Так он стоял, смотрел,
не отрываясь,
Вокруг не замечая ничего:
Он словно в жизни
не видал красавиц
И это первая была его.
Так было суждено
и так случилось.
Исполнен был их юности
зарок.
Ковыль-трава им в поле
поклонилась.
И лег под ноги
тихий полынок.
Миус, Миус, всему ты наш
свидетель.
Войдешь ты в свод
тишненький, золотой.
Ты помнишь, как свистел
над степью ветер,
Над той крутой
Сто первой высотой.
Как выл свинец,
как резали осколки
Траву и камень,
глину и песок.
Как падали среди трав,
осенних, колких.
Зажав рукой
простреленный висок.
Миус, Миус, рубеж
великой славы.
Среди огня, цветов
и мертвых трав
Ты встал навек, простой
и величавый.
Для вечной жизни
смертью смерть поправ.
Пусть пред тобой
земной простор играет
Зеленый, голубой и золотой,
Пусть памятник
бессмертию сверкает
Над той крутой
Сто первой высотой!